

ПЕЛАМ ГРЕНВИЛЛ ВУДХАУС

П. Г. ВУДХАУС

Брачный сезон

Не позвать ли нам

ДЖИВСА?

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

Дживс и Вустер

Пелам Гренвилл Вудхаус

**Брачный сезон. Не позвать
ли нам Дживса? (сборник)**

«ФТМ»

«АСТ»

1946, 1953

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

Вудхаус П.

Брачный сезон. Не позвать ли нам Дживса? (сборник) /
П. Вудхаус — «ФТМ», «АСТ», 1946, 1953 — (Дживс и Вустер)

ISBN 978-5-17-093583-3

«Брачный сезон» Обстоятельства вынуждают Бертрама Вустера приехать в загородный дом, в котором проживают целых пять теток. Но это еще не все неприятности. Неожиданно холостяцкая свобода Берти оказывается под угрозой. Кажется, никто уже ему не может помочь, но верный Дживс, как всегда, находит выход из абсолютно безвыходной ситуации. «Не позвать ли нам Дживса?» Слава Дживса распространяется все шире... На сей раз легкомысленный Берти Вустер, решивший научиться самостоятельности в специализированной школе для аристократов, «одолжил» своего легендарного слугу другу, графу Рочестеру, оказавшемуся в трудном положении. Находчивый Дживс доселе не знал поражений. Но похоже, теперь ему придется нелегко...

УДК 821.111-31

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-093583-3

© Вудхаус П., 1946, 1953

© ФТМ, 1946, 1953

© АСТ, 1946, 1953

Содержание

Брачный сезон	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Пелам Вудхаус

Брачный сезон. Не позвать ли нам Дживса?

Pelham Grenville Wodehouse
The mating season. Ring for Jeeves

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1946, 1953

© Перевод. И. Бернштейн, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Брачный сезон

Глава 1

Должен признаться, что накануне того дня, когда предстояло ехать отбывать срок в «Деверил-Холле», у меня на душе было если и не так чтобы уж совсем тяжело, то все же определенно невесело. Страшновато очутиться в доме, где обитают закадычные дружки такого кровожадного чудовища, как моя тетя Агата, тем более я уже и так ослаб духом после трех суток бдения над ее сыном Томасом, одним из наших самых выдающихся извергов в человеческом образе.

Я поделился с Дживсом, и он не отрицал, что перспектива могла бы быть и заманчивее.

– Но с другой стороны, – сказал я, как всегда стараясь не упустить из виду светлую изнанку, – приглашение это лестное.

– Вот как, сэр?

– Я вроде как избранник народа, Дживс. Люди ходили с плакатами и скандировали: «Вустер! Вустер! Мы – за Вустера!»

– А-а, ну да, сэр. Именно так. Это приятно.

Но минуточку. Вы ведь не знаете, о чем речь. Очень часто так бывает, когда приступаешь к повествованию. Срываешься со старта, полный огня и боевого задора, точно ретивая лошадь, глядь, а все трибуны повскакали на задние лапы и орут, требуя сноску.

Так что я сейчас дам задний ход и введу вас в курс дела.

Понимаете, вдруг приезжает в Лондон из своего деревенского логова тетя Агата – та самая, что жует битые бутылки и раздирает клыками крыс, – со своим сыном Томасом и заявляет тоном, не допускающим возражений, что я должен поместить названного Томаса у себя в квартире на трое суток, пока он будет посещать зубных врачей, и театры, и все такое прочее, что требуется перед отправлением в закрытую школу в Брамли-он-Си, а после его отъезда мне следует отправиться в «Деверил-Холл» близ деревни Кингс-Деверил, графство Гемпшир, где проживают какие-то ее дружбаны, и принять участие в деревенском концерте. Им там хочется обогатить программу столичными талантами, и меня им рекомендовала племянница местного священника.

Ну, и тут уж ничего не поделаешь. Не говорить же тете Агате, что по своей воле не дотронулся бы до юного Тоса десятифутовым шестом и что заочно с незнакомыми людьми я вообще никаких дел не затеваю. Нет, если тетя Агата издает приказ, его остается только выполнить. Но на душе у меня, как я уже отметил выше, скребли кошки, и от известия, что одновременно со мной в «Деверил-Холле» будет гостить Гасси Финк-Ноттл, веселее не стало. Если уж угодил в пещеру к Сорока разбойникам, тут для поддержания бодрости понадобится напарник получше Гасси.

Я задумался.

– Хотелось бы побольше узнать об этих людях, Дживс, – сказал я. – В таких случаях желательно иметь некоторое представление о том, что тебе угрожает. Пока известно только, что я буду гостем землевладельца по фамилии Харри, а может быть, Хаккер или Хассок.

– Хаддок, сэр.

– Ах, Хаддок?

– Да, сэр. Джентльмена, чьим гостеприимством вы будете пользоваться, зовут мистер Эсмонд Хаддок.

– Странно, но мне в этом слышится что-то знакомое. Словно я уже где-то встречал эту фамилию.

– Мистер Хаддок – сын владельца широко рекламируемого патентованного средства от головной боли «Похмельный холодок Хаддока», сэр. Возможно, вам приходилось иметь дело с этим снадобьем.

– Ну конечно! Он мне близко знаком. Не то что ваш чудодейственный эликсир, разумеется, но все-таки неплохое утреннее подспорье. Значит, он из тех Хаддочков?

– Да, сэр. Покойный отец мистера Хаддока женился на покойной мисс Флоре Деверил.

– Когда они оба еще не были покойными, надеюсь?

– Брак этот невестины сестры считали отчасти мезальянсом. Деверилы – старинный местный род, как и многие другие старинные роды, в настоящее время обедневший.

– А-а, понятно. Хаддок, хоть и не такой денежный мешок, каким мог бы быть по отцовской линии, оплачивает счета.

– Совершенно верно, сэр.

– Ну, я думаю, все же средства ему позволяют. Этот «Холодок», должно быть, настоящая золотая жила, а, Дживс?

– Я тоже склонен так думать, сэр.

Тут мне пришло в голову, как уже не раз приходило за разговорами с этим достойным человеком, что ему, видимо, многое известно по данному вопросу. Я изложил ему свое наблюдение, и выяснилось, что благодаря игре случая Дживс имеет доступ к сведениям о домашней жизни этого семейства.

– Мой дядя Чарли занимает пост дворецкого в «Деверил-Холле», сэр. От него ко мне и поступает информация.

– Я даже не знал, что у вас есть дядя Чарли. Чарли Дживс?

– Нет, сэр. Чарли Силверсмит.

Удовлетворенный, я закурил сигарету. Все более или менее разъяснилось.

– Что ж, неплохо. Вы будете снабжать меня этими... как их?... агентурными данными, если можно так сказать. Что за дом этот «Деверил-Холл»? Хорошо там? Какая местность? Живописная? Почва какая, песчаная? Обзор широкий?

– Да, сэр.

– Кормежка ничего?

– Вполне, сэр.

– Перейдем к персоналу. Имеется миссис Хаддок?

– Нет, сэр. Молодой джентльмен холост. Вместе с ним проживают пять теток.

– *Пять?*

– Да, сэр. Девушки Шарлотта, Эммелина, Гарриет и Мертил Деверил и вдова леди Дафна Винкворт, оставшаяся от покойного историка лорда П. Б. Винкворта. И еще с ними, насколько мне известно, живет дочь леди Дафны, мисс Гертруда Винкворт.

Услышав слова «пять теток», я ощутил некоторую дрожь в коленках. Шутка ли – очутиться в стае тет, пусть и не твоих лично. Но я напомнил себе, что в жизни важны не тети, а бесстрашие, с каким против них выходишь, и присутствие духа ко мне вернулось.

– М-да, – говорю. – Недостатка в дамском обществе не будет.

– Не будет, сэр.

– Тут, пожалуй, и Гасси Финк-Ноттлу обрадуешься.

– Вполне возможно, сэр.

– Какой уж он ни на есть.

– Да, сэр.

Кстати, вы, надеюсь, не забыли этого Огастуса, о котором я уже раз или два имел случай упомянуть прежде? Вернемся немного назад. Припомните: остолоп, каких мало, физиономия рыба, очки в роговой оправе, пьет апельсиновый сок, ловит тритонов и помолвлен с первой занудой Британии, некоей Мадлен Бассет... Представили себе? Ну вот...

– Скажите мне, Дживс, – говорю я. – А Гасси-то какое отношение имеет к этим злокачественным инфузориям? Он ведь тоже едет в «Деверил-Холл», и, по-моему, тут какая-то неразрешимая загадка.

– Все нет, сэр. Этому имеется вполне простое объяснение. Леди Дафна Винкворт – крестная мать мисс Бассет. И мисс Бассет желает показать ей своего жениха, с которым та до сих пор еще не знакома.

– Это вы тоже знаете от дяди Чарли?

– Нет, сэр, меня уведомил сам мистер Финк-Ноттл.

– Вы что, с ним виделись?

– Да, сэр, он заходил в ваше отсутствие.

– Ну, и как он вам показался?

– Подавленным, сэр.

– Тоже, должно быть, вроде меня трусит ехать в этот злодейский притон.

– Да, сэр. Он полагал, что его будет сопровождать мисс Бассет, но она в последнюю минуту переменяла свои планы и отправилась погостить в «Лиственницы», в Уимблдон-Коммон, к школьной подруге, недавно пережившей неудачу в любви. По мнению мисс Бассет, ей надо поднять настроение.

Положим, я не представлял себе, каким образом присутствие Мадлен Бассет, личности, от макушки до подошв совершенно обойденной милостью Божией, способно у кого-нибудь поднять настроение, однако ничего такого я не сказал. А только высказал предположение, что Гасси из-за этого, наверно, слегка взбеленился.

– Да, сэр. Он был раздосадован такой переменной планов. И как я понял из его собственных слов, поскольку он со мной поделился, отсюда проистекло даже некоторое охлаждение между ним и мисс Бассет.

– А, черт! – воскликнул я. А почему я так выразился, сейчас объясню. Если вы помните Гасси Финк-Ноттла, то, наверно, восстановили в памяти и всю ту цепь обстоятельств, которая привела – если цепь может привести – к тому, что кошмарная Бассет прочно забрала в свою неизвестно чем набитую голову, что якобы Бертрам Вустер умирает от любви к ней. Не буду сейчас вдаваться в подробности, скажу только, что она была твердо убеждена, будто достаточно ей разорвать отношения с Гасси, и я по первому ее свистку тут же примчусь со всех ног, в полной готовности выправлять брачную лицензию и заказывать свадебный торт.

Зная мое отношение к этой самой М. Бассет, вы легко поймете, почему всякие разговоры об охлаждении не могли не вырвать у меня испуганного возгласа. Сознание опасности никогда меня не покидало, и вздохнуть с облегчением я смогу только тогда, когда эта парочка благополучно прошествует к алтарю. До тех пор пока священник не произнесет окончательный приговор, гора не скатится у Бертрама с плеч.

– Ну да ладно, – проговорил я, надеясь на лучшее, – милые бранятся, только и всего. Обычная размолвка. Случается сплошь и рядом. Небось теперь они уже благополучно помирились и улыбочивый бог любви снова трудится до седьмого пота на своем посту. Ха! – оборвал я свою речь, так как у двери затренькал звонок. – Кто-то к нам. Если это юный Тос, передайте ему от меня, что в семь сорок пять вечера он, умытый и причесанный, должен быть в полной готовности сопровождать меня в театр «Олд Вик» на «Короля Лира». И пусть не пытается улизнуть. Сказано тебе матерью, чтобы побывал на «Короле Лире», значит, побываешь, и никаких разговоров.

– Я полагаю, что, вероятнее, это мистер Перебрайт, сэр.

– Старина Китекэт? Почему вы решили?

– Он тоже заходил, пока вас не было, и дал понять, что снова заглянет позже. С ним была его сестра мисс Перебрайт.

– Вот так так! Коротышка! Я думал, она в Голливуде.

- Насколько я понял, она приехала в Англию на отдых, сэр.
  - Вы хоть чаем ее напоили?
  - Да, сэр. Мастер Томас был за хозяина. А потом мисс Перебрайт увезла молодого джентльмена смотреть кинокартину.
  - Жаль, я с ней разминулся. Я не видел Кору Коротышку тысячу лет. Как она, ничего?
  - Ничего, сэр.
  - А Китекэт? Он как?
  - Подавлен, сэр.
  - Вы путаете его с Гасси, Дживс. Это он, если помните, был подавлен.
  - И мистер Перебрайт тоже.
  - Что-то угнетает людей, куда ни посмотришь.
  - Мы живем в трудные времена, сэр.
  - Ваша правда. Давайте его сюда.
- Дживс просочился прочь, а через несколько мгновений просочился обратно.
- Мистер Перебрайт, – объявил он.
- Он не ошибся в оценке: с первого взгляда было заметно, что вошедший действительно находится в подавленном состоянии.

Глава 2

А надо вам заметить, что вообще-то этого человека наблюдать в таком состоянии доводится нечасто. Обычно он чирикает как огурчик. В общем и целом, можно сказать, что из всех весельчаков-затейников в нашем клубе «Трутни» Клод Кэттермол Перебрайт, пожалуй, самый веселый и затейливый, как перед публикой, так и в частной жизни.

Я сказал «перед публикой», потому что свое еженедельное жалованье Китекэт зарабатывает на сценических подмостках. Он происходит из знаменитой театральной семьи. Отец его известен тем, что сочинил музыку к «Даме в голубом» и еще некоторым популярным постановкам, которые я, к сожалению, не видел, так как был в ту пору грудным младенцем. А мать – прославленная Элси Кэттермол, многие годы блиставшая на сценах Нью-Йорка. У него и сестра, Кора Коротышка, тоже лет с шестнадцати покоряет публику прытью и... как это говорится?... творческим задором.

Естественно поэтому, что после Оксфорда, подыскивая себе занятие, которое обеспечило бы трехразовое питание и оставляло время для загородного крикета, он избрал актерские кутурны. Сегодня, если хотят поставить комедию из светской жизни и нужен человек на роль «Фредди», легкомысленного приятеля, входящего во вторую любовную пару, взгляд режиссера первым делом падает на Китекэта. Обратите внимание, такой стройный молодой человек с ракеткой в руке, всегда появляется на сцене с воплем: «Привет, девчонки!» – и можете не заглядывать в программку, это и будет Китекэт.

Он выходит в первой сцене эдаким бодрячком и держится бодрячком до самого падения занавеса. И в жизни он точно такой же. Его неисчерпаемая энергия вошла в пословицы. Понго Твистлтон и Барми Фипс, каждый год выступающие в клубной курилке в клоунаде «Пат и Майк», где постановщиком и автором диалога всегда бывает Китекэт, рассказывают, что он их натаскивает до посинения, а сам хоть бы хны. Не человек, а Граучо Маркс.

И вот теперь, как я уже сказал, он пришел подавленный. Это было видно за версту. Горькая забота затенила чело, и вообще вид персонажа, который если и произносит: «Привет, девчонки!» – то таким тоном, как в русской драме объявляют присутствующим, что дедушка повесился в сарае.

Я радушно поздоровался с ним и выразил сожаление, что не был дома, когда он приходил предыдущий раз, тем более что он был с Коротышкой.

– Я не знал, что она в Англии, – говорю. – Так хотелось бы перекинуться с ней парой слов. А теперь, боюсь, я ее уже не увижу.

– Увидишь, не бойся.

– Да нет же. Завтра утром я уезжаю в «Деверил-Холл», в Гемпшире, подсобить им там с деревенским концертом. Племянница тамошнего священника настояла на том, чтобы включить меня в труппу, хотя я совершенно не понимаю, откуда она обо мне прослышала. Никогда не знаешь, как далеко распространилась твоя слава.

– Дурень ты. Это же Коротышка.

– Коротышка?

Я был потрясен. На свете мало таких славных ребят, как Кора (Коротышка) Перебрайт, я с ней поддерживаю самые приятельские отношения еще с тех давних пор, когда в молодые лета мы посещали один танцкласс, но ничто в ее поведении не говорило до сих пор о том, что она близкая родственница духовного лица.

– Дядя Сидней состоит там викарием¹. Тетка уехала отдыхать в Борнмут, и в ее отсутствие Коротышка у него за домоправительницу.

---

¹ В протестантских церквях помощник священника.

– Господи! Бедный старина Сид! Она ведь небось и у него в кабинете наводит порядок.

– Возможно.

– И галстук на нем поправляет.

– Не удивлюсь, если так.

– И бранит его за то, что много курит, и, чуть только он устроится в кресле поудобнее, сразу же сгоняет его, чтобы взбить подушечки. Ему, наверно, кажется, что он живет в Апокалипсисе. Но ей-то как после Голливуда, не скучно жить в доме деревенского священника?

– Ничуть. Ей там очень нравится. Коротышка ведь не то что я. Я бы истосковался без театра, а она никогда в это дело не вкладывала душу, хотя и имела шумный успех. Я думаю, она вообще не пошла бы в актрисы, если бы не воля матери. Коротышка мечтает выйти замуж за деревенского жителя и провести остаток дней в окружении всяких там коров, собак и прочей скотины. Не иначе как сказываются гены старого фермера Джайлса, это наш дед с отцовской стороны. Я его смутно помню. Борода до полу, и постоянно стонал насчет погоды. Вот и она тоже, хлопотать по делам прихода и устраивать деревенские концерты – это занятие для нее.

– А ты имеешь понятие, с чем она хочет выпустить меня перед простым народом? Не со «Свадебной песнью пахаря»?

– Нет. Тебе поручается роль Пата в моем комическом скетче.

Это известие меня скорее обрадовало. Слишком часто в мероприятиях подобного рода организаторы выставляют тебя на сцену со «Свадебной песнью пахаря», и будь здоров. А «Свадебная песнь пахаря» почему-то всегда возбуждает самые низменные страсти в местных хулиганах, которые скапливаются, стоя позади скамеек. Между тем как комические скетчи с колодушками и с диалогом невпопад у стоячих зрителей идут на ура. По-видимому, зрелище того, как персонаж А лупит персонажа Б зонтиком по голове, а персонаж Б тычет тем же тупым оружием персонажа А под ребра, находит в их душах некий отклик. В зеленой бороде и при поддержке толкового напарника я вполне мог рассчитывать, что заставлю клиентов кататься от смеха в центральном проходе между скамьями.

– Ну и отлично. Прекрасно. Теперь я могу смотреть навстречу будущему с легким сердцем. Но если Коротышке нужен был кто-нибудь на роль Пата, почему она не пригласила тебя? Профессионал, можно сказать, закален в трудах. Хотя могу себе представить: она, наверно, предложила тебе эту роль, а ты задрал нос и гордо фыркнул, мол, такое жалкое любительство не для тебя.

Но Китекэт мрачно помотал башкой:

– Вовсе нет. Я бы с радостью выступил в кингс-деверильском концерте, но это исключено. Дамы в «Деверил-Холле» меня на дух не выносят.

– Так ты с ними знаком? Что они собой представляют? Эдакий хоровод чопорных граций?

– Да не знаком я с ними, просто я помолвился с их племянницей Гертрудой Винкворт, а у них от мысли, что она выйдет за меня, начинается родимчик. Если я появлюсь в окрестностях «Деверил-Холла» хоть за версту, на меня собак спустят. Кстати, о собаках. Коротышка купила сегодня утром кобеля в питомнике Баттерси.

– Ну и дай Бог ей здоровья, – рассеянно отозвался я, поскольку мысли мои были заняты упомянутой им любовной коллизией, которой я никак не мог найти место в клубке теток и прочей родни, перечисленной в общих чертах Дживсом. Наконец все-таки разобрался: Гертруда Винкворт – это дочь леди Дафны Винкворт, оставшейся от покойного П. Г. Винкворта, историка.

– Насчет этого я и приехал с тобой переговорить.

– Насчет кобеля?

– Нет, насчет моих дел с Гертрудой. Мне нужна твоя помощь. Я сейчас тебе все расскажу.

Когда Китекэт у меня появился, я в порядке приветствия вручил ему стаканчик виски с разбавкой, и до сих пор он успел сделать из него всего один порядочный глоток да пару раз еще слегка пригубил. И вот теперь он единым махом опрокинул остаток в пасть, и похоже, что удачно, потому что после этого он взбодрился и заговорил с живостью и без запинок:

– Для начала должен тебе сказать, Берти, что с тех пор, как первый человек выполз на брюхе из первобытной слизи и началась жизнь на этой планете, никто никого так не любил, как я люблю Гертруду Винкворт. Упоминаю об этом для того, чтобы ты осознал: перед тобой не какой-то там легкий загородный флирт, а настоящая серьезная драма. Я люблю Гертруду!

– Замечательно. Где ты с ней познакомился?

– В одном доме в Норфолке. Друзья затеяли там любительский спектакль и пригласили меня постановщиком. Бог мой! Эти сумерки в старом саду, когда вокруг в кустах сонно щебечут птички и на небесах зажигаются первые звезды...

– Хорошо, хорошо. Дальше.

– Она удивительная, Берти. Как она меня полюбила, просто не представляю себе.

– Но все же полюбила?

– О да! Она меня любит. Мы обручились, и она возвратилась в «Деверил-Холл» сообщить матери радостную весть. Но когда она сообщила, знаешь, что произошло?

– Мамаша взбрыкнула?

– Испустила такой вопль, что слышно было до самого Бейсингстока.

– До которого в милях?..

– Около двадцати четырех, если по прямой.

– Ну конечно! Я же знаю Бейсингсток!

– Она...

– Я там в детстве гостил. Моя старая няня жила там в полусобственной вилле «Балморал». Няня по фамилии Хогг, представляешь? Няня Хогг. Страдала от частой икоты.

Китекэт как-то странно насупился и стал похож на стоячего деревенского зрителя, которому исполнили «Свадебную песнь пахаря».

– Слушай, Берти, – сказал он, – давай не будем сейчас говорить о Бейсингстоке и о твоей няне, ладно? Пропади пропадом Бейсингсток, и пропади пропадом твоя няня. На чем я остановился?

– Мы отвлеклись, когда леди Дафна Винкворт испустила вопль.

– Верно. Ее сестры, узнав, что Гертруда собирается замуж за брата мисс Перебрайт, которая проживает в доме викария, и что сам этот брат – по профессии актер, тоже испустили вопли.

Меня подмывало спросить насчет их воплей, было ли и их тоже слышно до самого Бейсингстока, но по здравом размышлении я воздержался.

– Им не нравится Коротышка и не нравятся актрисы. Во времена их молодости, при старой королеве Елизавете, на актеров смотрели как на повес и бродяг, и они до сих пор не могут взять в толк, что современный актер – это солидный член общества, получающий свои шестьдесят фунтов в неделю и большую из них часть помещающий в надежные государственные бумаги. Да черт возьми, научили бы меня, как обвести налоговую инспекцию, я бы стал богатым человеком! Ты не знаешь способа, как их перехитрить, Берти?

– Нет, к сожалению. Боюсь, что этого даже Дживс не знает. Так тебя, значит, спустили с лестницы?

– Примерно так. Гертруда прислала мне письмо, что ничего не выходит. Ты можешь задать вопрос: почему мы не поженимся без согласия родительницы?

– Я как раз собирался спросить.

– Не могу уговорить Гертруду. Она боится маменькиного гнева.

– Страшная женщина, должно быть, эта маменька.

– Кошмарная. Была директрисой школы для девочек старшего возраста. Гертруда тоже отбывала у нее там каторгу и до сих пор не изжила боязни. Так что о женитьбе вне лона семьи не может быть и речи. А тут еще вот какая загвоздка, Берти. Коротышка выхлопотала для меня контракт на своей студии в Голливуде, и я теперь с минуты на минуту могу уехать. Ужас какой-то.

Я помолчал. У меня в памяти брезжила вычитанная где-то фраза насчет того, что что-то там такое чему-то там такому не помеха, но точной формулировке никак не поддавалась. В смысле – что если девушка тебя любит, а ты вынужден временно оставить ее на хранение, то она может и подождать, что я Китекэту и высказал. А он ответил, что так-то оно так, да только мне еще не все известно. Там, по его словам, строится мощная интрига.

– Теперь мы подходим, – сказал он, – к этому исчадию ада, Хаддоку, и вот где, Берти, мне нужна твоя братская помощь.

Я ответил, что не совсем понял, а он сказал, что еще бы мне совсем понять, черт подери, может быть, я все-таки секунду помолчу и дам ему договорить, и я сказал: «Да ради Бога».

– Хаддок! – произнес Китекэт с зубовным скрежетом и прочими проявлениями чувств. – Хаддок, разрушитель семейных очагов! Известно тебе что-нибудь об этом первостатейном гнусе, Берти?

– Только, что его папаша был владельцем того самого «Похмельного холодка».

– Да, и оставил ему столько монет, что потопят целую галерею. Я не хочу сказать, что Гертруда может выйти за него из-за денег. Такой грубый расчет она с презрением отвергнет. Но вдобавок к груди наличности он еще красив, как греческий бог, и очень обаятелен. Гертруда сама так написала. И мало того, я еще понял из ее писем, что вся их семейка оказывает на нее давление в его пользу. Сообрази, какое давление способны развить одновременно мать и четыре тетки.

Я начал понемногу представлять себе положение вещей.

– То есть Хаддок хочет занять твое место?

– Гертруда пишет, что он ее обрабатывает и так и этак. Нет, ты только посмотри, что за птица этот тип. Порхает с цветка на цветок, лакомится, еще совсем недавно он точно так же обхаживал Коротышку. Спроси у нее при встрече, но только тактично, ее вся эта история жутко травмировала. Говорю тебе, он – угроза обществу. Его надо посадить на цепь ради безопасности чистых девичьих сердец. Но мы с ним еще расправимся, точно, а?

– Что – точно, а?

– Расправимся, увидишь. Слушай, что мне от тебя надо. Согласись, даже такой нахал, как Эсмонд Хаддок, настоящий южноамериканский сердцеед, не станет осуществлять свои гнусные ухаживания прямо у тебя на глазах.

– То есть ему для этого нужен тет-а-тет?

– Вот именно. Так что ты, как только очутишься в «Деверил-Холле», сразу же принимайся портить ему его подлую игру. Постоянно будь рядом с Гертрудой, не отходи ни на шаг, будто приклеенный. Главное, чтобы он не мог остаться с нею наедине среди роз. Если планируется посещение розария, присоединяйся. Ты меня понимаешь, Берти?

– О да, я тебя понимаю, – ответил я не совсем уверенно. – Что-то вроде Мэри и ее барашка, который везде за ней ходил, может, тебе знакомо такое стихотворение? Я его часто декламировал в детском возрасте – ну, там, в общем, рассказывается, как у Мэри был барашек, весь беленький, как снег, и куда она ни пойдет, и он идет за ней. Словом, ты хочешь, чтобы я действовал в его духе?

– Правильно. Будь все время начеку, ибо проморгаешь – беда. Знаешь, какое последнее коварство он задумал? Чтобы как-нибудь на днях, с утра пораньше, он и Гертруда захватили сэндвичей и поехали на пикник за пятнадцать миль от дома в одно живописное место, где

есть обрывы, скалы и прочее. И знаешь, что он задумал там сделать? Показать ей утес под названием Обрыв влюбленных!

– Да?

– Не говори, пожалуйста, «Да?» таким равнодушным тоном. Лучше постарайся себе представить: пятнадцать миль езды туда, потом Обрыв влюбленных и пятнадцать миль обратно. Страшно подумать, до каких крайностей может дойти человек вроде Эсмонда Хаддока во время тридцатимильной поездки с Обрывом влюбленных ровно посередине! Не знаю точно, на какой день назначена поездка, но, когда бы они ни собрались, ты поезжай с ними и не отставай ни на шаг. Садись, если представится возможность, между ними. И особенно не спускай с него глаз, когда подъедете к Обрыву влюбленных, это самое опасное место. Чуть только заметишь с его стороны поползновение склониться к ней и зашептать на ухо, сразу же, как молния, бросайся наперерез. Я на тебя полагаюсь, Берти. От тебя зависит все счастье моей жизни.

Понятно, когда человек, с которым вместе учился в начальной школе, в средней школе и в Оксфорде, вдруг говорит, что он на тебя полагается, тут уж хочешь не хочешь, а надо подставить плечо. Не то чтобы его поручение было мне особенно по сердцу, не стану преувеличивать, но я ответил, что, мол, будет исполнено, и он пожал мне руку и высказался в том смысле, что, будь в мире больше таких людей, как я, и сам мир сделался бы лучше, – точка зрения, которую отнюдь не разделяла моя тетя Агата и которую, как я предчувствовал, едва ли разделит Эсмонд Хаддок. Возможно, что в стенах «Деверил-Холла» и найдется кто-нибудь, кто полюбит Бертрама, но имени Э. Хаддока, я готов побиться об заклад, в списке этих людей не будет.

– Уф! Сразу на сердце полегчало, – промолвил Китекэт, после того как выпустил мою руку, потом снова схватил и пожал вторично. – Совсем другое дело, когда знаешь, что там на месте находишься ты и неустанно, как крот, трудишься в моих интересах. Мне последнее время кусок в горло не лез, но сегодня я, кажется, пообедаю с аппетитом. Хотелось бы мне, чтобы и я со своей стороны мог для тебя что-нибудь сделать.

– Можешь, – сказал я.

Мне пришла в голову одна мысль, подсказанная, без сомнения, его словами про сегодняшний обед. С той самой минуты, как Дживс сообщил мне об охлаждении между Гасси Финк-Ноттлом и Мадлен Бассет, меня точил червь беспокойства по поводу того, что Гасси сегодня будет обедать в одиночестве.

Ведь знаете, как бывает, когда после небольшой любовной размолвки отправляешься обедать один-одинешенек. Уже за супом ты обращаешься мыслью к той, с которой рассорился, и задаешься вопросом: а так ли уж разумно вообще было твое намерение на ней жениться? К рыбному блюду сомнения твои углубляются, а к тому времени, когда, покончив с *roulet roti au cresson*², заказываешь кофе, ты уже совершенно убежден, что женщина – это «тряпки, кость и пучок волос» и что законтрактовать ее на должность спутницы жизни до могилы было бы чистым безумием.

В таких случаях нужно веселое общество, тогда черные мысли тебя оставят. И мне пришлось в голову, что есть возможность обеспечить Гасси компанию.

Так что я сказал:

– Можешь. Ты ведь знаешь Гасси Финк-Ноттла. Он сейчас в подавленном настроении, а мне по некоторым причинам не хотелось бы, чтобы он сегодня обедал в тоске один. Ты не угостишь его обедом?

Китекэт поморщился. Я знал, какие мысли проносятся у него в мозгу. Он думал, что для приятного обеда главное одно: чтобы на нем не присутствовал Гасси.

– Я должен угостить его обедом?

---

² Курица с кресс-салатом (*фр.*).

- Так точно.
- А что же ты сам?
- Тетя Агата желает, чтобы я сводил ее сына Томаса в «Олд Вик».
- Плюнь и не ходи.
- Нельзя. Потом разговоров не оберешься.
- Ну что ж. Ладно.
- Бог тебя вознаградит, Китекэт, – с чувством произнес я.

Таким образом, с Гасси все устроилось, и я мог с легким сердцем отправиться на покой. Я даже не подозревал о том, что принесет мне завтрашний день.

Глава 3

А день поначалу принес ощущения самые приятные. Как обычно бывает, когда тихой вечерней порой тебя ждут крупные неприятности, утро рассиялось всеми цветами радуги. Зная, что ровно в два пятьдесят три мне надо будет посадить в поезд юного Тоса и отправить его в приморскую школу для малолетних преступников, я завтракал с песней на устах и во время второго завтрака, помнится, тоже был в отличном настроении.

Я отвез юного Тоса на вокзал Виктория, запихнул в поезд, сунул ему в лапу один фунт и еще постоял помахал родственной рукой, покуда он окончательно не исчез из виду. А потом, заглянув по пути в клуб погонять мяч, вернулся к себе на квартиру в самом бодром расположении духа.

До этой черты все шло превосходно. Вешая шляпу на крючок и ставя зонт в стойку для зонтов, я склонялся к мысли, что если Господь и не в небесах и в человеках не благоволение³, то, во всяком случае, общее положение вещей близко к тому. Ни намек предчувствия, как говорится, того, что за углом затаилось горькое пробуждение и сейчас жажнет меня клюшкой по кумполу.

Первое, на что я вынужден был обратить внимание, переступив порог квартиры, это на изрядный шум, неуместный в доме джентльмена. Из-за закрытой двери гостиной слышался женский голос, издающий как бы подбадривающие крики, и вдобавок к женскому голосу – яростный лай, как лает свора гончих псов, взявших след. Можно было подумать, будто у меня в спальне собралась вся лисья охота целого графства, и я, как квартиросъемщик, естественно, рванул туда выяснить, в чем дело. Никто не может упрекнуть Бертрама Вустера в занудстве и чистоплюйстве, но бывают, мне кажется, минуты, когда человек обязан все-таки проявить твердость.

Поэтому я распахнул дверь и сразу же полетел вверх тормашками, сбитый с ног каким-то твердым телом с длинным языком муравьеда. Этот язык принялся с воодушевлением оглаживать меня от макушки вниз, и, когда рассеялся туман, я увидел себя в клинче с лохматым псом не вполне однозначных кровей. А рядом с нами, глядя сверху вниз, точно мать, любующаяся шалостями первенца, стояла Кора Коротышка, сестра Китекэта.

– Правда, кисонька? – спросила она. – Ну просто херувимчик!

Тут я не мог с ней полностью согласиться. Пес действительно был как будто бы добродушный и сразу же проникся ко мне симпатией, но внешне он все-таки не мог рассчитывать на приз за красоту. Прямо Борис Карлофф в гриме.

Другое дело Коротышка, она, как всегда, ласкала взор. После двух лет, проведенных в Голливуде, на нее стало даже еще приятнее смотреть, чем раньше, когда она в последний раз наблюдалась в наших краях. Этакое изящное из себя юное создание среднего роста, общей конфигурацией наподобие Гертруды Лоренс и с рисунком лица, достойным пристального изучения. В спокойном состоянии оно выглядит вроде как задумчиво, кажется, это чистая белая душа, думающая возвышенную думу; зато, оживленное, оно оживляется так сильно, что один взгляд на него вдохновляет на любые подвиги. Глаза у нее коричневато-каштановые, и волосы тоже вроде того. А в целом – ангел, у которого большой избыток энергии. И если надо выбирать, с кем бы ты захотел очутиться на необитаемом острове, первым номером, возможно, окажется Хеди Ламарр, но и имя Коры Перебрайт тоже будет в числе достойных Похвального Упоминания.

– Его зовут Сэм Голдуин, – пояснила Коротышка, отгаскивая зверя за поводок от моего простертого тела. – Я купила его в питомнике Баттерси.

---

³ Аллюзия на стихотворную драму Р. Браунинга «Проходит Пиппа» (1841).

Я встал с пола и утерся.

– Китекэт мне говорил.

– Значит, ты уже с ним виделся? Очень хорошо.

В этом месте она, видимо, спохватилась, что мы забыли поздороваться, во всяком случае, она не пожалела времени на то, чтобы чин чином выразить положенную радость от нашей встречи после столь долгой разлуки. Я тоже сказал, что рад встрече после столь долгой разлуки, она спросила, как я поживаю, я сказал, что хорошо, а как она поживает, и она тоже сказала, что хорошо. И еще она спросила, по-прежнему ли я такой же непроходимый болван, как и раньше, и я удовлетворил ее любопытство на сей счет.

– Я заезжала вчера, думала тебя застать, – сказала Коротышка. – Но тебя не было дома.

– Да, Дживс мне говорил.

– Меня тут принимал какой-то рыжий мальчик. Сказался твоим двоюродным братом.

– Да, это сын моей тети Агаты и, как ни странно, сокровище ее души.

– Как ни странно?

– Он – исчадие ада, и имя ему – Черная Тень.

– Да? А мне он понравился. Я дала ему пятьдесят автографов. Он намерен продать их мальчикам в школе и рассчитывает выручить по шесть пенсов за штуку. Он мой давний кинопоклонник, и мы с ним во всем нашли общий язык. Хотя Китекэту он, кажется, не очень нравится.

– Еще бы, он как-то подложил кнопку ему на стул.

– А-а, ну тогда его холодность понятна. Кстати о Китекэте, он дал тебе текст диалога?

– Дал. Я читал его вечером в постели.

– Вот и чудесно. И вообще ты молодец, что согласился прийти на выручку.

Я не стал объяснять, что изначально распоряжение прийти им на выручку я получил от собственной тети, с которой не поспоришь. А со своей стороны поинтересовался, кто будет моим партнером в этой веселой клоунаде, сочетающей юмор со злободневностью, то есть кто выступит в небольшой, но ко многому обязывающей роли Майка? Коротышка ответила, что Майком будет артист по фамилии Доббс.

– Полицейский Доббс, местный блюститель порядка. И в связи с этим, Берти, я хочу, чтобы ты твердо усвоил следующее. Будешь колотить полицейского Доббса зонтом, там, где это требуется по сценарию, – пожалуйста, не нежничай, выдай ему не понарошку, а со всей силы. Чтобы он почувствовал, негодяй, и сошел со сцены весь в синяках и царапинах.

Я сразу понял со свойственной мне пронизательностью, что она что-то имеет против этого Доббса. И так ей прямо и сказал. Она подтвердила, нахмутив на миг алебастровый лоб.

– Да, – сказала Коротышка, – я люблю бедного старенького дядюшку Сиднея, а этот невоспитанный деревенский слепень отравляет ему существование. Он атеист.

– Вот как? – говорю. – Атеист? Лично я никогда такими делами особенно не увлекался. Даже получил один раз в начальной школе приз за хорошее знание Библии.

– Он дразнит дядю Сиднея: выскочит из-за угла и отпускает возмутительные шуточки насчет Ионы и кита. Этот скетч послан нам небом. В обыденной жизни поди сыщи удобный случай поколотить полицейского. Хотя кто-кто, а этот наглый Эрнест Доббс заслуживает взбучки. То он своими подлыми шуточками порочит Иону и кита, то спрашивает дядю Сиднея, откуда взялась жена Каина. Естественно, что чувствительному священнику это неприятно, так что давай, миленький, сомкни ряды, и пусть виновный получит по заслугам.

От таких речей у меня в жилах разыгралась кровь Вустеров и пробудились рыцарские чувства. Я пообещал Коротышке, что к тому времени, когда под занавес грянут «Боже, храни короля», полицейский Доббс ощутит на себе последствия нешуточного боя, и она меня любезно поблагодарила.

– Я вижу, ты покажешь себя молодцом на этом вечере, Берти. Имей в виду, от тебя ждут больших свершений. Вся деревня уже много дней только о том и говорит, что о предстоящем приезде Бертрама Вустера, великого лондонского комика. Ты будешь украшением программы. А, видит Бог, украшения этой программе понадобятся.

– Кто еще там выступит?

– Да так, кого удалось наскрести по соседству... Ну, и Эсмонд Хаддок. Он поет песню.

По тому, как она произнесла это имя, будто выплюнула с омерзением, я удостоверился, что ей и правда острый нож в сердце – данный Эсмонд Хаддок и его сомнительное поведение и что прав был Китекэт, предупреждая, чтобы я тактичнее касался этой темы. Поэтому я сказал, аккуратно подбирая слова:

– Ах да. Эсмонд Хаддок. Помнится, Китекэт мне о нем рассказывал.

– Ну, и что он говорил?

– Да так, всякое.

– В связи со мной?

– Д-да, до некоторой степени.

– Что именно?

– Н-ну, он вроде как намекнул, если я правильно его понял, что вышеупомянутый Хаддок не вполне по-хорошему поступил с нашей девушкой. По словам Китекэта, ты и этот современный Казанова были некоторое время тому назад как два голубка, но потом, попорхав, он тебя бросил, будто дырявую перчатку, и пристал к Гертруде Винкворт. Все, должно быть, не так на самом деле, Китекэт, конечно, напутал.

И тут она мне все выложила. Наверно, девушка, неделями ходившая с острым ножом в разбитом сердце, начинает понимать, что девичья гордость – это, конечно, хорошо, но душу облегчает лишь чистосердечное признание. Ну, и потом, поделиться со мной – это ведь не то что посвятить в свою личную жизнь постороннего человека. Вспомнила, поди, как мы посещали с ней один танцкласс, и, возможно, перед ее мысленным взором возник образ отрока Вустера, слегка прыщавого и в костюмчике маленького лорда Фаунтлероя.

– Нет, ничего он не напутал. Мы действительно были с ним как два голубка. Но он не бросил меня, как дырявую перчатку, это я бросила его, как дырявую перчатку. Я сказала ему, что не хочу больше иметь с ним никакого дела, до тех пор пока он не проявит твердость и не перестанет пресмыкаться перед своими тетками.

– А он, значит, пресмыкается перед тетками?

– Да. Червь несчастный.

Этого я так оставить не мог. И получше люди, чем Эсмонд Хаддок, бывает, пресмыкаются перед тетками, о чем я ей и сказал. Но она не слушала. Девушки, я уже замечал, обыкновенно не слушают, что я говорю. Лицо у нее вытянулось, взгляд затуманился, губы, вижу, слегка дрожат.

– Не надо мне было обзывать его червем. Тут на самом деле не его вина. Его с шестилетнего возраста воспитывали тетки и угнетали каждый Божий день, так что теперь, я думаю, ему непросто сбросить оковы. Мне его очень жалко. Но всему есть предел. Когда оказалось, что он боится объявить им о нашей помолвке, я больше не могла этого терпеть и сказала ему прямо, что он обязан им объявить, а он позеленел от страха и отвечает: нет, не могу, – а я тогда говорю: ну и ладно, в таком случае между нами все кончено. С тех пор я не обменялась с ним ни словом, только вот договорилась, что он споет песню на концерте. Но самое печальное то, Берти, что я его по-прежнему люблю, и даже еще больше; только подумаю о нем, и мне сразу хочется выть и грызть ковер на полу.

Тут она зарылась лицом в лохматую шею Сэма Голдуина, по виду как бы хозяйская ласка, но я, с моей проницательностью, угадал за этим попытку утереть навернувшиеся слезы. Я бы лично на ее месте воспользовался для этого батистовым платочком, поскольку от животного исходил сильный запах, но девушки такой народ, чего с них взять.

– Ну да ладно, – сказала Коротышка, всплывая из темных глубин.

Что от меня требовалось дальше, было не совсем ясно. Сказать: «Ничего, ничего, малышка»? Можно попасть в точку, а можно и промахнуться. Поразмыслив, я все же решил ограничиться покачиванием головой.

– Не важно, – отмахнулась она, и видно было, что она взяла себя в руки. – Бывает. Ты когда едешь в Деверил?

– Сегодня вечером.

– И как настроение?

– Да так. Слегка не по себе. Тетки – это вообще не моя стихия, а Дживс утверждает, что их в «Деверил-Холле» целая банда. Пять тетя, так он говорит.

– Это верно.

– Многовато.

– На пять голов больше, чем надо. Вряд ли они тебе понравятся, Берти. Одна глухая, другая из ума выжила, и все пятеро стервы.

– Ты употребляешь сильные выражения, моя милая.

– Исключительно потому, что не приходит в голову ничего посильнее. Жуткие тетки. Всю жизнь прожили в своем замшелом деревенском доме и сами словно сошли со страниц старого романа в трех томах. Всех меряют по провинциальной мерке. Местная знать, видите ли. Если ты не из их числа, то как бы вообще не существуешь. Чуть не месяц, я слышала, пролежали в обмороке, когда их сестра обвенчалась с отцом Эсмонда.

– Да, Дживс говорил, что, по их мнению, он замарал фамильный герб.

– А уж как бы я его замарала! В их глазах киноактриса – это алая женщина и блудница.

– Я вот думал насчет этой самой алой женщины, у нее что же, вся кожа такая или только лицо? Впрочем, не об этом сейчас речь.

– Так, стало быть, вот какие дела.

И надо сказать, я даже обрадовался, что в этот самый момент пес Сэм Голдуин вдруг снова ни с того ни с сего сделал рывок и налетел на меня с лозунгом «Назад к Вустеру!». Этим он помог мне пережить минуту душевного волнения. Я в самом деле как-то разволновался. Что тут делать, было непонятно, но факт таков, что в делах матримониальных над семейством Перебрайт навис злой рок.

И Коротышке, видимо, пришла в голову та же самая мысль.

– Надо же было так получиться, – печально проговорила она, – чтобы из всех бесчисленных моих знакомых мужчин единственный, за которого я хотела бы выйти замуж, не может на мне жениться, потому что ему тети не велят.

– Да, не повезло тебе, – согласился я.

– И бедняге Китекэту тоже не повезло. На него глядя, в жизни не подумаешь, что он способен так страдать из-за девушки, но он очень даже способен! В нем столько скрытых глубин, если присмотреться поближе. Гертруда для него – все. Но разве она выстоит против объединенных сил Эсмонда и своей матери с тетками?

– Да, Китекэт говорил, что на нее оказывается давление.

– Как он тебе показался?

– Подавлен.

– Переживает, – вздохнула Коротышка.

Лицо ее затуманилось. Китекэт всегда был для нее как зеница в глазу, если я понятно выражаюсь. Было ясно, что она оплакивает его в сердце своем, и нам бы в эту минуту не миновать завести долгий разговор о его неприятностях, обсудить их со всех сторон и прикинуть, что бы такое предпринять ему в помощь, – но тут дверь открылась, и он явился собственной персоной.

– Здорово, Китекэт, – сказал я.

– Здорово, Китекэт, миленький, – сказала Коротышка.

– Привет, – ответил он.

Я посмотрел на Коротышку. Она посмотрела на меня. И кажется, мы с ней оба поджали губы, а что до меня, то я, безусловно, вздернул брови. Ибо у этого Перебрайта был вид человека, оставившего всякую надежду, и голос, которым он нас приветствовал, вполне можно было назвать загробным. Словом, общее впечатление было такое, что не могло не пробудить жалость и опаску в сердцах его доброжелателей.

Китекэт опустился в кресло, смежил веки и некоторое время пребывал в неподвижности. Потом вдруг, будто бомба взорвалась у него в черепной коробке, он с глухим стоном выпрямился, сдавив ладонями виски. И тут мне сразу все стало ясно. Когда человек вот так хватается за голову в убеждении, по-видимому, что иначе она у него расколется пополам, ошибочно думать, что он превратился в живой труп просто по причине несчастной любви. Я тронул звонок. Появился Дживс.

– Будьте добры, порцию вашего утреннего живительного, Дживс.

– Очень хорошо, сэр.

Он, мерцая, выскользнул из комнаты, а я направил на Китекэта испытующий взор. Я слышал от людей знающих, что похмелье бывает шести родов: «Сломанный компас», «Швейная машинка», «Комета», «Атомная бомба», «Бетономешалка» и «Черная кикимора», – и, судя по виду Китекэта, он страдал сейчас одновременно всеми шестью родами.

– Налакался вчера? – спросил я.

– Наверно, немного перебрал, – признался он.

– Сейчас Дживс притащат живительное.

– Благодарю тебя, Берти, – тихо и прочувствованно произнес Китекэт и опять смежил вежды.

Похоже, что он намеревался малость вздремнуть и тем восстановить силы организма, и я бы лично предоставил ему в этом деле свободу выбора. Но у Коротышки характер потверже моего. Она схватила обеими руками его за голову и встряхнула так, что он подпрыгнул до потолка, испустив на этот раз вопль далеко не сдавленный, а, наоборот, довольно мощный, подобный предсмертному реву сотни издыхающих гиен. Естественно, в ответ и Сэм Голдуин залаял так, что задрожали небеса, и мне пришлось, чтобы убрать этот звук из эфира, подтащить пса к двери и вытолкать вон. По возвращении же я застал Коротышку распекающей брата на все корки.

– Ты же дал мне честное слово, чучело несчастное, что не будешь напиваться, – говорила она с сестринским металлом в голосе. – Выходит, ты продал честное слово Перебрайтов?

– Легко тебе говорить, – с некоторой горячностью возразил Китекэт. – Я, когда давал честное слово Перебрайтов, что не буду напиваться, разве знал, что окажусь за одним столиком с Гасси Финк-Ноттлом? Вот Берти подтвердит, что без сильных стимулирующих средств провести вечер в обществе Гасси Финк-Ноттла нет никакой человеческой возможности.

Я кивнул.

– Он прав, – говорю. – Общество Гасси Финк-Ноттла, даже когда он в наилучшей форме, не всякому по силам. А вчера вечером он еще был, насколько я разбираюсь, в подавленном настроении.

– Очень подавленном, – подтвердил Китекэт. – Помню, когда я возвращался из турне в начале своей театральной карьеры, бывало, выйду в Саутпорте, а дождь льет беспросветно – брр, и такую же беспросветную тоску наводит Гасси. Сидит, челюсть отвисла, глаза по-рыбьи вылупил и смотрит...

– Гасси поссорился со своей нареченной невестой, – пояснил я попутно.

– ...и в конце концов мне стало ясно, что для меня есть только один способ остаться в живых. Я велел официанту приволочь большую бутылку и поставить возле меня. После этого немного полегчало.

– Гасси-то, конечно, пил апельсиновый сок?

– Исключительно, – ответил Китекэт и весь передернулся.

Я вижу, несмотря на его мужественное покаяние, Коротышка все еще готова обрушиться на его бедную больную голову потоки сестринских укоров, ибо даже лучшие из женщин не способны промолчать наутро после возлияний. И я поспешил перевести разговор на нейтральные рельсы.

– А где вы ужинали?

– В «Дорчестере».

– А потом заезжали еще куда-нибудь?

– О да.

– Куда?

– Да так, в разные места. «Ист-Далуич», «Пондерс-Энд», «Маяк».

– В «Маяк»-то зачем?

– Мне давно туда хотелось. Может, думал, посмотрю, откуда прожектор светит. А насчет «Далуича» и «Пондерс-Энда» не могу тебе сказать. Наверно, кто-то мне их похвалил, или просто надо было срочно сменить обстановку, увидеть новые лица. Я нанял такси на весь вечер, и мы катились по улицам, любовались городскими пейзажами. Под конец очутились на Трафальгарской площади.

– В котором часу?

– Около пяти утра. Ты бывал на Трафальгарской площади около пяти утра? Очень живописно. Знаменитый фонтан в первых утренних лучах. И как раз когда мы стояли на краю фонтана, а заря золотила окрестные крыши, мне пришла в голову мысль, которая показалась тогда превосходной, но, как я понимаю теперь, была неудачной.

– Что за мысль?

– Я подумал, что в фонтане вполне могут водиться тритоны, и, зная, как Гасси Финк-Ноттл их обожает, посоветовал ему забраться в фонтан и пошарить.

– Прямо в одежде?

– Да, помнится, одежда на нем была. Да, да, точно.

– Но как же можно в одежде лезть в фонтан на Трафальгарской площади?

– Можно. Гасси, во всяком случае, смог. У меня в голове все немного смешалось, но, кажется, сначала пришлось его уговаривать. Вот, вот, вспомнил! – обрадованно воскликнул Китекэт. – Я ему сказал: «Лезь в воду», – а он не лезет, и тогда я сказал, что, если он не полезет, я дам ему бутылкой по башке. Ну, он и залез.

– Значит, бутылка все еще была при вас?

– Эта уже другая, из «Маяка».

– Итак, Гасси залез в воду.

– Да.

– Удивительно, как его не задержала полиция.

– Почему же не задержала. Задержала. Явился полицейский и сцапал его, и сегодня утром в полицейском суде на Бошер-стрит ему припаяли четырнадцать суток без права замены штрафом.

Тут открылась дверь, в комнату ворвался Сэм Голдуин и бросился мне на грудь, будто мы с ним – возлюбленная пара и не виделись целую вечность.

Следом за ним шествовал Дживс с подносом, на котором высился стакан с его броневой эликсиром.

Глава 4

Когда я прыщавым юнцом, на тринадцатом году, отбывал срок в «Малверн-Хаусе», частной школе почтенного Обри Апджона, помню, как сей почтенный Обри Апджон хвалил покойного сэра Филипа Сиднея⁴ за то, что тот, будучи ранен в какой-то там битве, когда товарищ протянул ему стаканчик горячительного, отказался в пользу раненого соседа, чья нужда, по его прикидке, была горше, чем его. «Этот же дух самоотречения, – говорил почтенный Обри, – я хотел бы видеть в вас, мальчики, – особенно в тебе, Вустер, сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не сидел разинув рот, как идиот! Захлопни рот, мой мальчик, и сядь ровнее».

Ну, так вот. Будь он сейчас среди нас, он бы мог всласть налюбоваться этим духом. Моим первым побуждением было рвануться наперерез, схватить стакан и осушить одним глотком, потому что мне срочно потребовалось подкрепиться. Но я удержался. Даже в трудную минуту я сумел понять, что нужда Китекэту горше моей. Я остановился, мелко дрожа весь с головы до пят, питье досталось Китекэту, он его влил себе в глотку, впал в конвульсии, как человек, пораженный молнией, – Дживсовы эликсиры всегда оказывают такое действие, – но потом он выдохнул: «Ха!» – и на глазах у всех ожил.

А я провел по лбу дрожащей рукой.

– Дживс!

– Сэр?

– Знаете, что случилось?

– Нет, сэр.

– Гасси Финк-Ноттл угодил в кутузку.

– В самом деле, сэр?

Я провел по лбу второй дрожащей рукой, кровяное давление у меня резко подскочило. Мне бы, конечно, давно уже пора привыкнуть к тому, что никакое, даже самое потрясающее известие не заставит Дживса подпрыгнуть и выкатить глаза. Но эта его манера на все отвечать: «В самом деле, сэр?» – вызывает у меня ярость Вустеров.

– Не говорите, пожалуйста, «В самом деле, сэр?». Повторяю: застигнутый в пять часов утра за купанием в фонтане на Трафальгарской площади, Огастус Финк-Ноттл был задержан полицией и посажен на четырнадцать суток. А ему надо сегодня вечером быть в «Деверил-Холле».

Китекэт, опять было смеживший веки, на минуту открыл глаза.

– Знаешь что? – проговорил он. – По-моему, он там не будет.

И снова смежил. А я по третьему разу отер взмокший лоб.

– Вы сознаете весь ужас положения, Дживс? Что скажет мисс Бассет? Как она отнесется к подобному происшествию? Представьте, откроет она завтра утреннюю газету и увидит любимое имя среди заголовков в разделе «Полицейские новости».

– Не увидит, – произнес Китекэт. – Потому что Гасси, проявив несвойственную ему сообразительность, сказал, что его имя – Элфред Даф Купер.

– Ну а что будет, когда наступит назначенный час, а его в «Деверил-Холле» нет?

– М-да, тут ты прав, – согласился Китекэт и вновь погрузился в живительный сон.

– А я вам скажу, что будет. Мисс Бассет объявит, что... Дживс!

– Сэр?

– Вы не слушаете.

---

⁴ Имеется в виду Филип Сидни (1554–1586), выдающийся английский поэт.

– Прошу прощения, сэр. Я отвлекся на собаку. Обратите внимание, она ест диванную подушку.

– Ну и Бог с ней!

– По-моему, надо бы вывести бедное животное в кухню, сэр, – сказал Дживс вежливо, но твердо. Он вообще фанатик порядка во всем. – Я сейчас возвращусь, сэр, только запроу ее.

И они вышли вдвоем с псом, а Коротышка переглянулась с вашим покорнейшим. Выражение у нее на лице было такое, как будто она не вполне врубилась в то, что происходит.

– Берти, – промолвила она, – я не понимаю, почему такое волнение и беспокойство? Конечно, этому мистеру Финк-Ноттлу есть из-за чего расстраиваться. Но ты-то чего на стенки избегаешь?

Я был рад тому, что Дживс временно покинул стол переговоров, в его присутствии мне было нипочем не выразить всего, что у меня накопело на душе в связи с Мадлен Бассет. Он, естественно, знает всю ситуацию, и я знаю, что он знает, но мы с ним на эти темы не разговариваем. Ведь это означало бы порочить имя женщины. А Вустеры не порочат имена женщин. И Дживсы, кстати сказать, тоже.

– Разве Китекэт не говорил тебе обо мне и Мадлен Бассет?

– Ни слова.

– Ну, хорошо, я тебе расскажу, почему я избегаю на стенки, – согласился я. И рассказал.

Для тех читателей, кто ловил каждое мое слово в предыдущих рассказах, история Вустерско-Бассетовской передраги, или, иначе говоря, *qví rgo qvo*, – дело хорошо известное. Но ведь всегда могут подойти новенькие, и для этих вновь подошедших я сейчас сделаю краткий обзор, как говорится – резюме, событий.

Началось все в «Бринкли-Корте», это дом моей тети Далии в Вустершире, мы с Гасси и с этой проклятушкой Бассет гостили там прошлым летом. И получилось так, как часто описывают в книгах: кавалер А любит девицу, но не решается изложить ей свои чувства, и кавалер Б, исключительно по доброте душевной, вызывается пробить для него путь к ее сердцу несколькими удачно подобранными вступительными словами – и упускает из виду, горемыка безмозглый, что тем самым подставит собственную шею и потом не оберется неприятностей. Гасси-то даже сильно под мухой не способен выдавить из себя необходимого предисловия, и я возьми да и брякни, что, мол, пусть он предоставит это мне.

И вот однажды в сумерки я выманил его предмет на свежий воздух и что-то такое ей наплел, что, мол, в «Бринкли-Корте» есть сердце, которое изнывает от любви к ней. Не успел дух перевести, как она уже лопочет мне в ответ, что, конечно, она догадалась о моих чувствах, девушки такие вещи всегда знают, не правда ли, и ей ужасно, ужасно жаль, но это невозможно, она уже положила глаз на Гасси. Но, продолжает она, – и именно в этих ее словах затаилась опасность, которая грозит мне по сей день, – если когда-нибудь она увидит, что Гасси не тот безупречный и необыкновенный человек, каким она его считает, тогда она даст ему отставку и осчастливит меня.

С тех пор, как я уже рассказывал в другом месте, бывали моменты, когда все висело на волоске, особенно, например, был случай, когда Гасси, раскочегарившись, точно утюг, раздавал призы выпускникам неполной средней школы в Маркет-Снодсбери. Бассет тогда вычеркнула его кандидатуру, хотя впоследствии и смиростивилась, но можно не сомневаться, вычеркнет теперь опять, если узнает, что человек, которого она считала самым чистым и возвышенным идеалистом из всех мужчин, получил срок за то, что влез с ногами в фонтан на Трафальгарской площади. Ничто так не расхолаживает романтическую барышню, как известие, что ее нареченный угодил на две недели в каталажку.

Все это я объяснил Коротышке, и она сказала, что да, теперь ей понятно, в чем дело.

– Еще бы не понятно. У меня не останется ни одного шанса на спасение. Стоит вестям о случившемся достичь ушей Бассет, и результат будет однозначный. Гасси получит пинок под

зад, а согбенная фигура, которая под звуки органа, подбадриваемая возгласами обнаживших головы зрителей, поплетется бок о бок с нею по проходу между скамьями к алтарю, будет не кто иной, как Бертрам Уилберфорс Вустер.

– Я не знала, что ты еще и Уилберфорс.

Я объяснил, что, за исключением остро эмоциональных моментов, это обстоятельство обычно замалчивается.

– Но, Берти, почему ты так не хочешь поплестись бок о бок с мисс Бассет к алтарю? Я видела ее фотографию в «Деверил-Холле», по-моему, она вполне ничего.

Характерная ошибка, в которую часто впадают те, кто не знаком с Мадлен Бассет лично и судит об этом чудовище по фотографии. В ее наружной оболочке действительно ни к чему не придерешься. Глаза большие, блестящие, черты лица тонкие, волосы, нос, зубы, уши – все на уровне, а то и выше среднестатистического стандарта. Посмотришь на карточку – красotka, да и только, хоть на стенку прикалывай.

Но тут есть одна деталь, и очень существенная.

– Ты спрашиваешь, почему я не хочу плестись бок о бок с нею к алтарю? – горько произнес я. – Я объясню тебе. Потому что с виду она, может быть, как ты говоришь, и вполне ничего, а на самом деле – самая невыносимая, слезливая, сентиментальная дурища, которая думает, что звезды на небе – это божьи цветочки и что, когда феи икают, рождаются детки. Она квашня и слюняйка, ее любимые книжки – про Кристофера Робина и Винни-Пуха. Наверно, нагляднее всего будет, если я скажу, что она – идеальная пара для Гасси Финк-Ноттла.

– С мистером Финк-Ноттлом я не знакома.

– Тогда поверь тому, кто его хорошо знает.

Коротышка задумалась. Было очевидно, что до нее начала доходить серьезность положения.

– Ты считаешь, что стоит ей узнать – и ты попался?

– Точно и бесспорно. И ничего не смогу сделать. Если девушка думает, что ты ее любишь, и она приходит и говорит, что расплевалась со своим женихом и теперь готова ударить по рукам с тобой, что тебе остается, кроме как жениться? Надо же быть вежливым.

– М-да. Понятно. Положение сложное. А как бы так устроить, чтобы она не узнала? Получив известие, что он не приехал в «Деверил-Холл», она, конечно, захочет навести справки?

– И, справившись, неизбежно обнаружит страшную правду. Так что у нас остается только Дживс.

– Думаешь, он сумеет помочь?

– Дживс никогда не подводит. У него голова четырнадцатого размера, он ест рыбу тоннами и «шествует, непостижимый, и чудеса творит»⁵. Вон он идет, и видишь, какой у него жутко умный вид? Ну, Дживс? Нашли выход?

– Да, сэр, но...

– Ага, что я говорил? – обратился я к Коротышке. Но потом умолк и нахмурил бровь. – Кажется, вы сказали «но», Дживс? При чем тут «но»?

– При том, сэр, что я испытываю некоторые сомнения, одобрите ли вы этот выход, услышав, в чем его суть.

– Был бы выход, а до сути мне дела мало.

– Так вот, сэр, чтобы избегнуть расспросов, которые, естественно, воспоследуют, если мистера Финк-Ноттла не окажется в «Деверил-Холле», необходимо, чтобы вместо него приехал его временный двойник и представился мистером Финк-Ноттлом.

Я отшатнулся.

– Вы что, предлагаете, чтобы я явился в этот лепрозорий под именем Гасси Финк-Ноттла?

---

⁵ Строка из стихотворения У. Купера «Олнейские гимны».

– Или склонили к этому кого-нибудь из своих друзей, сэр.

Я рассмеялся. Знаете, таким трагическим, горьким смехом.

– Нельзя же бегать по Лондону и уговаривать людей, чтобы они изобразили из себя Гасси. То есть можно, конечно, но какой прок? Да и времени не осталось... – Я не договорил. – Китекэт! – вскричал я.

Китекэт открыл глаза.

– Привет, – произнес он, свежий и отдохнувший. – Как дела?

– Дела в порядке. Дживс придумал выход.

– Я так и знал. Что он предлагает?

– Он считает, что... Как вы сказали, Дживс?

– Для того чтобы избежать расспросов, которые, естественно, воследуют, если мистера Финк-Ноттла не окажется сегодня до вечера в «Деверил-Холле»...

– Ты слушай, слушай внимательно, Китекэт.

– ...необходимо, чтобы вместо него приехал его временный двойник и представился мистером Финк-Ноттлом.

Китекэт одобритительно кивнул и сказал, что мысль эта, по его мнению, недурна.

– Речь, как я понимаю, идет о Берти?

Я нежно погладил ему плечико:

– Речь идет о тебе, Китекэт.

– Обо мне?

– Да.

– Вы хотите, чтобы я притворился Гасси Финк-Ноттлом?

– Вот именно.

– Нет, – сказал Китекэт. – Тысячу раз нет. И не думайте даже.

Его всего передернуло, и я понял, что переживания минувшей ночи запали ему глубоко в душу. Честно признаться, я его понимал. Гасси – это такая своеобразная личность, что каждый, кому случится пробыть в его неотлучном обществе с восьми вечера до пяти утра следующего дня, неизбежно начинает реагировать на его имя болезненно. Я понял: чтобы добиться от К. К. Перебрайта сотрудничества, потребуется уйма медоточивого красноречия.

– Зато ты окажешься под одной крышей с Гертрудой Винкворт, – говорю я ему.

– Да, – подхватила Коротышка, – будешь рядом со своей Гертрудочкой.

– Даже во имя того, чтобы оказаться рядом с моей Гертрудочкой, – твердо произнес Китекэт, – я не желаю ни одну минуту считаться Гасси Финк-Ноттлом. Да у меня и не получится. На меня посмотришь, и сразу видно: человек интеллигентный, толковый, талантливый и прочее, а Гасси заслуженно пользуется славой самого непрошибаемого осла на белом свете. Старушки через пять минут уже все поймут и разгадают. Нет, если вы хотите выставить дублера на роль Гасси Финк-Ноттла, тут нужен человек, который на него похож и способен обмануть зрение. Эта роль твоя, Берти.

У меня вырвался горестный вопль:

– По-твоему, я похож на Гасси Финк-Ноттла?

– Как одна мать родила.

– Все-таки ты болван, Китекэт, – вмешалась Коротышка. – Подумай, ведь, если ты окажешься в «Деверил-Холле», ты бы смог оградить Гертруду от посягательств Эсмонда Хаддока.

– Об этом позаботится Берти. Я, конечно, не против бы съездить в «Деверил-Холл», ненадолго, и нашелся бы какой-нибудь другой способ, я бы с удовольствием... Но быть Гасси Финк-Ноттлом я отказываюсь.

Я капитулировал перед неизбежностью.

– Ладно, – говорю я и тяжело вздыхаю. – Во всех делах людских обязательно должен быть козел отпущения, который делает грязную работу, и в данном случае, как видно, этим козлом

приходится быть мне. Так оно бывает всегда. Если требуется преодолеть какую-нибудь трудность, внушающую ужас роду человеческому, раздаётся дружный клич: «Позовите Вустера! Пусть Вустер это сделает!» Я не в порядке жалобы, просто обращаю ваше внимание. Хорошо. Не надо пререкаться. Я буду Гасси.

– «С улыбкой сказал он и умер»⁶, – продекламировал Китекэт. – Вот такие твои речи я люблю. Хорошенько обдумай мизансцены по дороге.

– Какие еще мизансцены?

– Ну например, следует или нет поцеловать при встрече крестную мать Финк-Ноттловой невесты? И всякие такие мелочи, которые на самом деле имеют большое значение. А теперь, Берти, я, пожалуй, пойду в твою спальню и немного вздремну. Здесь то и дело приходится отвлекаться, а мне необходимо поспать, прежде чем я снова смогу взглянуть в глаза действительности. Что это я такое на днях слышал от вас насчет сна, Дживс?

– «Сладкий сон, Природы оживитель утомленной»⁷, сэр.

– Вот, вот. Именно. Отлично сказано.

Китекэт уполз, и Коротышка объявила, что ей тоже пора. Очень много дел.

– Ну вот, Дживс, теперь благодаря вашей молниеносной сообразительности все как будто улажено, – сказала она. – Единственно только жаль, Берти, в деревне огорчатся, когда узнают, что в роли Пата у них, вместо знаменитого Бертрама Вустера, выступит третьеразрядный участник бродячей труппы Финк-Ноттл. Я уже раструбила про тебя, Берти, и на афишах ты у меня значишься, и в объявлениях. Ну да ничего не поделаешь. До свидания. Встретимся под Филиппами⁸. До свидания, Дживс.

– До свидания, мисс.

– Э, постой! Минуточку! Ты забыла собаку.

Коротышка остановилась у порога.

– Да, все время хотела тебе сказать, Берти, и чуть не забыла. Мне нужно, чтобы ты взял Сэма Голдуина на пару дней с собой в «Деверил-Холл», это даст мне время подготовить дядю Сиднея. Он неважно относится к собакам, его придется приручать к Сэму постепенно.

– Но не могу же я ни с того ни с сего появиться в «Деверил-Холле» с собакой. Это погубит мой престиж.

– Не твой, а мистера Финк-Ноттла. А у него вообще нет никакого престижа. Как говорит Китекэт, они о нем слышаны и только рады будут, что ты не привез им ведро тритонов. Ну ладно, пока.

– Эй, послушай! – пискнул я вдогонку, но ее уже след простыл.

Я обратился к Дживсу:

– Вот так-то, Дживс.

– Да, сэр.

– Что значит «да, сэр»?

– Я пытался выразить точку зрения, сэр, что ситуация действительно не из простых. Но может быть, вас заинтересуют слова императора Марка Аврелия, который высказался следующим образом: «У тебя что-то случилось? Очень хорошо. Это одно из проявлений общей судьбы Вселенной, предустановленной от начала века. Что бы ни происходило с тобой, все является частью одной великой цепи».

Я перевел дух:

– Это он так сказал?

– Да, сэр.

---

⁶ Из стихотворения Р. Браунинга «Случай в лагере французов».

⁷ Из стихотворения Э. Янга «Ночные бдения».

⁸ Слова, сказанные на прощание Бруту призраком Цезаря из произведения У. Шекспира «Юлий Цезарь». Акт 4, сц. 3.

- Ну так вот, можете передать ему от меня, что он осел. Мои чемоданы сложены?
- Да, сэр.
- Автомобиль у подъезда?
- Да, сэр.
- В таком случае я поехал, Дживс. Пора двигаться, если я хочу попасть в эту их богдельню до полуночи.

Глава 5

Попасть туда до полуночи я попал, но опоздал изрядно. Как и следовало ожидать в такой злосчастный день, примерно на полдороге у моего спортивного автомобиля вдруг начался какой-то коклюш или другая хвороба, и в результате все расчеты времени полетели к чертовой бабушке, так что, когда я въехал в главные ворота усадьбы, шел уже восьмой час. Последний рывок по подъездной аллее, и я коснулся дверного звонка ровно без двадцати восемь или около того.

Помнится, как-то раз, когда мы прибыли в гости в один загородный дом, где ничего хорошего нас не ожидало, Дживс, ступив на твердую землю, прошептал у меня над ухом: «Рыцарь Роланд к Темной башне подъехал, сэръ», – но я тогда не понял юмора. Однако впоследствии удалось выяснить, что этот Роланд был из средневековых рыцарей, которые все время разъезжали туда-сюда, и, оказавшись как-то в заведении «Темная башня», он с сомнением поскреб подбородок, потому что ему там совсем не приглянулось.

То же самое было и теперь. «Деверил-Холл» – замечательная усадьба, кто этого не понимает? Старинной постройки, с этими, как их, зубцами по стенам и тому подобными красотами, если бы старый Деверил, который ее построил, оказался в данный момент у меня под рукой, я бы от души хлопнул его по спине со словами: «Молодчина, Деверил!» Но при мысли о том, что ожидает меня внутри, сердце у меня екнуло. За этими массивными дверями затаились пять теток викторианского разлива и один Эсмонд Хаддок, который, увидев, что я намерен таскаться за ним, как барашек за Мэри, вполне может забыть долг гостеприимства и надавать мне по шее. Предчувствия подобного рода не очень располагают к любованию старинной тюдоровской архитектурой и отвлекают до шестидесяти процентов внимания от живописных лужаек и пестрых цветников.

Распахнулись двери, и взору явился семипудовый дворецкий.

– Добрый вечер, сэръ, – произнес этот внушительный персонаж. – Мистер Вустер?

– Финк-Ноттл, – поспешил уточнить я, стремясь исправить первое впечатление.

Честно сказать, я и это-то едва выговорил, потому что внезапное столкновение в дверях с Чарли Силверсмитом почти лишило меня дара речи. Я словно вернулся в те времена, когда я, неоперившийся светский щеголь и фланер, только начинал свою карьеру и трепетал перед грозным взором дворецких и вообще чувствовал себя зеленым и мешковатым юнцом.

Нынче, постарше и позакаленнее, я в общем-то умею управляться с этой разновидностью фауны. Они открывают мне двери, а я эдак непринужденно поправляю манжеты и говорю: «Э-э-хм-м, дворецкий, как делишки, а?» Но Дживсов дядюшка Чарли был из ряда вон выходящий дворецкий. Он напоминал государственного мужа на барельефе, вычеканенном в прошлом столетии: голова большая, плешивая, два блекло-зеленых выпученных глаза, и под взором этих крыжовенных глаз мне понятнее становились чувства молодого Роланда перед Темной башней. Мелькнула даже мысль, что, возникни у славного рыцаря на пути нечто в таком же роде, он бы дал шпоры своему скакуну, и только его и видели.

По-видимому, нечто подобное пришло в голову и Сэму Голдуину, привязанному толстой веревкой к дверце автомобиля, потому что он взглянул ошарашенно на дядю Чарли, задрал голову и взволнованно заскулил. И я его вполне понимаю. Собака, выросшая в южных кварталах Лондона, происходящая из нижних слоев среднего класса, иначе говоря – собака из народа, вообще, должно быть, в жизни не видевшая дворецких, и вот с первой же попытки ей попался дядя Чарли. Я извиняющимся жестом указал дворецкому на Сэма и сказал: «Собака, знаете ли», – сочтя, что представление состоялось, а дядя Чарли осуждающе посмотрел на пса, словно тот ел жаркое рыбной вилкой.

– Я распоряжусь, чтобы животное поместили в конюшню, сэр, – холодно произнес он, а я ответил, что да, спасибо, очень хорошо.

– Ну а теперь я, пожалуй, побегу переоденусь к обеду, а? – предположил я. – Не хотелось бы явиться к столу с опозданием.

– Обед уже начался, сэр. Мы садимся обедать строго в семь часов тридцать минут. Если желаете помыть руки, сюда, пожалуйста, сэр, – молвил дядя Чарли и указал на дверь слева.

В кругу, где я вращаюсь, меня почти все считают довольно-таки непотопляемым малым, в обстоятельствах, когда другой бы не выдержал и сломался, я иной раз, глядишь, восхожу к новым высотам, ступая по обломкам разбитого самоуважения. Можете зайти к «Трутням» и спросить первого, кто подвернется, мыслимое ли дело – сломить дух Вустеров? С вами побьются об заклад на самых выгодных условиях, что такого просто не бывает. Какие бы трудности ни встретились ему на пути, скажут вам, и сколько бы стрел и камней ни запускала в него злодейка судьба, Бертрам всегда будет держать хвост трубой.

Но я еще никогда не попадал в такую ситуацию, чтобы от меня требовалось изображать из себя Гасси Финк-Ноттла, да сверх того еще пришлось явиться к обеденному столу в незнакомом доме не переодевшись, и должен признаться, что в первое мгновение перед глазами у меня стало черно. Печальную картину являл собой мрачный и понурый Бертрам Вустер, который, намылив, ополоснув и вытерев открытые части организма, притащился вслед за дядей Чарли в столовую. Чувствуя себя как заезжий велосипедист и стараясь по возможности скорее проглотить содержимое своей тарелки, потому что все присутствующие – по крайней мере мне так казалось – прищелкивали языками, барабанили по столу пальцами и вполголоса переговаривались на тему о том, что, мол, какая досадная задержка, ведь всем не терпится приступить к следующему блюду, – неудивительно, что я не сразу настолько пришел в себя, чтобы оглядеться и произвести смотр действующих лиц. Конечно, я был представлен при появлении, смутно помнится, что дядя Чарли провозгласил: «Мистер Финк-Ноттл!» – таким ледяным тоном, как будто хотел самоустраниться, – мол, пусть его потом не упрекают. Но никто, похоже, не обратил на это внимания.

Теперь, насколько хватало глаз, я видел перед собой волнующееся море тетей – тети длинные и короткие, тети толстые и сухопарые, а одна тетя вела тихую застольную беседу, но исключительно сама с собой, ибо ее явно никто и не думал слушать. Как я впоследствии узнал, таков был обычай тети Эммелины, о которой Коротышка говорила, что у нее не все дома. За каждой семейной трапезой, с первого мгновения и до конца, она произносила монологи. Шекспир, я думаю, был бы от нее в восхищении.

Во главе стола сидел скорее молодой субъект в отлично сшитом смокинге, при виде которого я еще острее осознал всю неуместность пропыленной дорожной хламиды, в которой меня вынудили явиться к обеду. Э. Хаддок, насколько можно было понять. Бок о бок с ним виднелась девица в белом, несомненно, самая юная из присутствующих, и я заключил, что в ее лице мы имеем Китекэтову Гертруду.

Я погрузился в созерцание и без труда понял беднягу Китекэта. Дочь леди Дафны и наследница покойного П. Б. Винкворта была стройна, белокура и утонченна, в противоположность своей мамаше, которую я теперь признал в особе, сидящей от меня по левую руку, – эдакая могучая фигура в полусреднем весе, что-то в духе Уоллеса Бири⁹. Глазки у Гертруды были голубые, зубки – жемчужные, и вообще все при ней. Я легко представил себе, что произошло с Китекэтом. Согласно его собственному признанию, он прогуливался с этой девушкой по старому парку в вечернем сумраке при луне, в кустах сонно щебетали птицы, на небе друг за дружкой зажигались звезды, ну, и естественно, ни один самый твердый духом мужчина не мог бы не поддаться в подобной обстановке действию таких чар.

---

⁹ Уоллес Бири (1885–1949) – комический киноактер, огромный человек-глыба, часто выступавший в женских ролях.

Я сидел и размышлял о взаимном цветении двух этих любящих сердец прекрасной весенней порой и, мужественно растрогавшись, прикидывал, много ли у них шансов доскакать до счастливой развязки, когда застольная беседа коснулась предстоящего концерта.

До сих пор говорили о разной местной специфике, приезжему человеку в этом не разобаться. Сами понимаете, одна тетя говорит, что получила с вечерней почтой письмо от Эмили, другая спрашивает, пишет ли она что-нибудь про Фреда и Алису, а первая отвечает, что у Алисы и Фреда все благополучно, так как Агнес уже передала Эдит то, что Джейн говорила Элеоноре. Такой междусобойчик.

И вот теперь тетя, которая в очках, сообщает, что встретила сегодня утром местного vicar, бедняга метал грома и молнии из-за того, что его племянница мисс Перебрайт настояла на включении в программу концерта, как она выразилась, скетча с колотушками и диалогом невольничества в исполнении полицейского Доббса и племянника Агаты Уорпледдон мистера Вустера. Что такое скетч с колотушками и диалогом невольничества, лично она не имеет ни малейшего представления. Может быть, вы нас просветите на этот счет, Огастус?

Я обрадовался случаю вернуть от себя пару слов в общий разговор, так как после смущенного хихиканья при входе в столовую я до сих пор больше рта не раскрыл, но чувствовал, что в интересах Гасси пора бы нарушить безмолвие. А то еще немного, и вся эта публика ринется к своим секретерам писать письма вышеупомянутой Бассет, умоляя ее хорошенько подумать, прежде чем вручить свою судьбу такому бессловесному обормоту, который вполне способен испортить даже самый удачный из медовых месяцев, записавшись в трапписты и приняв обет молчания.

– О да, со всем моим удовольствием, – отозвался я. – Это такие сценки про Пата и Майка. Двое выходят в зеленых бородах, вооруженные зонтами, и один спрашивает другого: «Кто эта женщина, с которой ты давеча шел по улице?» А тот отвечает этому: «Да Боже ж ты мой милосердный, это вовсе не женщина, а моя законная жена». Ну, и тогда второй ахает первого зонтиком по кумполу, а тот не остается в долгу и тоже бабахает этого зонтом по макушке. И так до бесконечности.

Мое объяснение не получило восторженного приема. Все до единой тети возмущенно охнули.

– Какая вульгарность, – произнесла одна.

– Ужасная вульгарность, – добавила вторая.

– Отвратительная вульгарность, – подтвердила леди Дафна Винкворт. – Как раз во вкусе мисс Перебрайт – вставить подобный номер в деревенский концерт.

Остальные тети не сказали: «Точно!» или «Правда твоя, Даф!» – но своим видом выразили примерно это. Губы собрали в трубочку, носы свесили. И я начал понимать, что имел в виду Китекэт, когда сказал, что здешние дамы неодобрительно относятся к Коре Коротышке. Ее акции стояли очень низко, и повышения на бирже не ожидалось.

– Хорошо еще, – промолвила тетя в очках, – что это не вы, Огастус, а мистер Вустер намерен опозориться участием в таком непристойном представлении. Воображаю, что почувствовала бы Мадлен!

– Мадлен бы этого не пережила, – согласилась тощая тетя.

– Душечка Мадлен вся такая духовная, – заключила леди Дафна Винкворт.

Сердце мое словно сдавила холодная ладонь. Я почувствовал себя как гадаринская свинья перед тем, как устремиться солдатиком с крутизны в море¹⁰. Вы, наверно, не поверите, но клянусь, мне это до сих пор и в голову не приходило, ведь и вправду Мадлен Бассет, узнав о том, что ее возлюбленный подвязал зеленую бороду и бил служащего полиции зонтом по

---

¹⁰ Рассказ, как в Гадарине изгнанные Иисусом бесы вселились в стадо свиней и свиньи бросились с высокого берега в море, излагается в Евангелии от Марка, 5:11–13.

голове, будет уязвлена этим до глубины души. И как только слух об этом до нее дойдет, тут же их помолвке и конец! С этими романтическими идеалистками надо постоянно держать ухо востро. Гасси при зеленой бороде не лучше, чем Гасси в кутузке.

Как ни больно мне было отказываться от роли, тем более я рассчитывал на сенсационный успех, но увы, я знаю, когда моя карта бита. И я принял решение завтра же утречком, чуть свет, послать Тараторке известие о том, что Бертрам выходит из игры и ей придется искать другого исполнителя на заглавную роль Пата.

– Из того, что я слышала про мистера Вустера, – заявляет тетя с крючковатым носом, продолжая тему разговора, – такое вульгарное дурачество будет как раз в его духе. А где он сейчас, кстати сказать?

– Да-да, – подхватила другая, что в очках. – Он должен был приехать еще до обеда, но не прислал даже телеграммы.

– Видимо, крайне рассеянный молодой человек, – высказалась третья, с морщинистым лицом.

Тут леди Дафна возглавила обмен мнениями, как школьная директриса на педсовете.

– «Рассеянный», – говорит она, – чересчур мягкое определение. А он, судя по всему, совершенно безответственный человек. Агата рассказывала, что по временам у нее просто руки опускаются. Она даже подумывает, не поместить ли его в какое-нибудь соответствующее заведение.

Можете себе представить чувства Бертрама, когда он услышал, что его родная плоть и кровь имеет привычку так беспардонно перемывать ему косточки при всем народе. Не то чтобы я надеялся дожждаться от нее благодарности, нет, конечно, но после того, как человек не пожалел трудов и денег, чтобы сводить сына своей тетки в театр «Олд Вик», по-моему, естественно ожидать, что она будет к тебе относиться как тетка, чьего сына сводили в «Олд Вик», – иначе говоря, проявит хоть толику доброжелательности, справедливости и взаимной терпимости по принципу: «живи и давай жить другим». Помнится, Дживс как-то говорил, что острее змеиного зуба неблагодарность родного дитяти¹¹, так вот, неблагодарность родной тети, уверяю вас, не лучше.

Я густо покраснел и осушил бы свой стакан, содержи он что-нибудь горячительное. Однако ничего горячительного он не содержал. Для кого-то рекой лилось шампанское превосходного разлива, рука дяди Чарли онемела подливать, но мне, из уважения к известным всем и вся вкусам Гасси, подливали лишь мерзкое питье, которое образуется, когда на соковыжималку накладывают половинку апельсина и дают вращательным движением.

---

¹¹ Строка из шекспировского «Короля Лира». Акт 1, сц. 4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.